

Со своей стороны, двор нисколько не думал идти на уступки. В тот же день мэр Парижа Петийон был отставлен от должности роялистской управой Сенского департамента за бездействие в день 20 июня. Но тогда Париж стал горячо защищать своего мэра. Началось опасное брожение, и шесть дней спустя, 13 июля, Собрание вынуждено было отменить это распоряжение.

В народе колебаний не было. Все понимали, что пришло время избавиться от власти короля и что, если за 20 июня не последует вскоре народное восстание, революция погибла. Конечно, политики, заседавшие в Собрании, думали иначе. «Кто знает, - соображали они, - к чему приведет восстание?» И вот, многие из этих законодателей стали готовить себе исход на случай, если победит контр-революция.

Страх у государственных людей, их желание обеспечить себе прощение на случай неудачи - в этом всегда лежит опасность для всякой революции.

Вообще эти семь недель между демонстрацией 20 июня и взятием Тюильри 10 августа 1792 г. для того, кто хочет извлечь из истории какой-нибудь урок, представляют собой время в высшей степени поучительное.

Демонстрация 20 июня хотя и не дала никаких непосредственных результатов, была, однако, сигналом общего пробуждения во Франции. «Бунт переходит из города в город», - говорит Луи Блан. Иностранные войска уже у ворот Парижа, и 11 июля провозглашается «отечество в опасности»; 14-го происходит празднование Федерации, и народ делает из него грандиозную демонстрацию против королевской власти. Со всех сторон революционные муниципалитеты посылают Собранию адреса, призывая его к действию. Ввиду измены короля они требуют низложения или по крайней мере временного устранения Людовика XVI. Однако слово «республика» еще не произносится; общественное мнение склоняется скорее к регентству. Исключение составлял, однако, Марсель. Здесь уже 27 июня требовали отмены королевской власти и отсюда послали в Париж 500 волонтеров, пришедших в столицу под звуки торжественного боевого гимна - «Марсельезы». Брест и другие города также послали волонтеров, общее число которых дошло в первые дни августа до 3 тыс.

Вообще чувствуется, что приближается решительный момент революции.

Что же делает Собрание? Что делают буржуазные республиканцы - жирондисты?

Когда в Собрании читают смелое послание марсельцев, требующих принятия мер, соответственных положению дел, почти все Собрание протестует! А когда 27 июля Дюэм предлагает обсудить вопрос о низложении короля, его предложение встречают криками негодования.

Мария-Антуанета была бесспорно права, когда писала 7 июля своим сообщникам за границей, что патриоты боятся и хотят пойти на переговоры; так оно и случилось несколько дней спустя.

Те, кто стоял близко к народу, в секциях, чувствовали, конечно, что надвигаются решающие события. Парижские секции, а также некоторые провинциальные муниципалитеты объявили свои заседания непрерывными. Нисколько не считаясь с законом, исключавшим «пассивных граждан» из заседаний секций, секции допускали их участвовать в своих заседаниях и раздавали им пики наравне с другими. Очевидно, подготовлялось крупное революционное движение.

В это самое время жирондисты - партия «государственных людей» - посылали королю через посредство его лакея Тьерри письмо, в котором извещали, что готовится грандиозный бунт, что последствием его может быть низложение короля или даже что-нибудь еще более ужасное и что остается одно только средство предотвратить катастрофу: это средство - не позже как в течение недели призвать назад в министерство жирондистов Ролана, Сервана и Клавьера!

Нет сомнения, что не 12 млн., якобы обещанные Бриссо, побудили Жиронду к такому выступлению. Это не было также простое желание вновь быть у власти, как думает Луи Блан. Причина выступления лежала гораздо глубже, в самой сущности политики Жиронды. Взгляды жирондистов очень ясно выражены в памфлете Бриссо «К своим избирателям» (*A ses commettants*). Ими двигала *боязнь народной революции, которая может коснуться собственности*, страх перед презиаемым ими народом, перед толпой оборванной бедноты: боясь такого строя, в котором собственность и, что еще важнее было для них, «подготовленность к государственному управлению» и «умелость в делах» утратят то привилегированное положение, которое они занимали до сих пор; боязнь оказаться *равными*, поставленными на одну доску с народной массой!

Эта боязнь парализовала жирондистов, как она парализует теперь все те партии, которые занимают в современных парламентах тоже до известной степени правительственное положение, какое занимали тогда жирондисты в роялистском парламенте.